

УДК 929(470) Лужков Ю.
ББК 66.3(2Рос)8 Лужков Ю.
Щ63

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Щербаченко, Михаил
Щ63 Москвич. Власть и судьба Юрия Лужкова /
М. Щербаченко. — Москва : Издательство АСТ, 2020. —
200 с. — *(Биографии XX века)*.

ISBN 978-5-17-121861-4

Предлагаемая книга — попытка увидеть и понять недавно скончавшегося Ю.М. Лужкова не столько как градоначальника и политика, сколько как человека, следовавшего принципам и правилам, установленным для самого себя. По мнению автора, чьи наблюдения вкупе с интервью бывшего мэра Москвы составляют содержание книги, именно приверженность собственным внутренним законам вела Лужкова и к победам, и к неудачам.

Автор книги Михаил Щербаченко — публицист и писатель. Работал в ведущих изданиях страны, на центральном телевидении. Написал ряд известных книг — «Краткий курс научного карьеризма», «Жизнь как искусство встреч», «Круиз для среднего класса» и других. Возглавлял комитет по телекоммуникациям и средствам массовой информации в правительстве Москвы. Лауреат ряда профессиональных премий, заслуженный работник культуры России.

**УДК 929(470) Лужков Ю.
ББК 66.3(2Рос)8 Лужков Ю.**

ISBN 978-5-17-121861-4

© М.Л. Щербаченко, 2020
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ, ПОХОЖЕЕ НА НЕКРОЛОГ

Когда издательство «АСТ» предложило переиздать мою книжку о Лужкове, идея показалась странной. Кому это будет интересно? Со дня смерти бывшего мэра Москвы прошел месяц, а со времени опубликования книги — восемнадцать лет. Так что рубеж описанных в ней событий — начало нулевых. Совсем другое время, другие вводные — Лужкову править Москвой еще целых восемь лет, он в полной силе, от него пока что не устали, после жестких тренировок он наладил отношения с президентом Путиным, и все складывается вполне оптимистично.

Еще не началась череда шумных городских скандалов, никто не пеняет мэру, что дышал альпийским кислородом, когда Москва задыхалась торфяным смогом, еще не мозолят глаза точечная застройка и новоделы под видом исторических зданий, а Елена Батурина только присматривается к строительному бизнесу. Еще далеко впереди выпады градоначальника в адрес президента Медведева и залп федеральных телеканалов о коррупции в столице. И уж совсем невозможно вообразить, что исключительно яркую карьеру оборвет отставка с унижительной формулировкой: «в связи с утратой доверия».

Чтобы восемнадцать лет оставаться во власти, в высших ее сферах, нужна недюжинная сила. Она же нужна, когда власть у тебя забирают. Здесь неуместны слезы сострадания, — тот же Лужков наверняка годами истреблял в себе обременительные для большого начальника сантименты и жалость к ближнему, закалялся опытами боев, держал удары и рубил головы. А кто рубит сам, тот не может не понимать, что однажды рубанут и его.

Еще в пору своего расцвета Юрий Михайлович заявил: «Властью не награждают, властью наказывают». Тогда прозвучало не столь философски, сколь кокетливо, в стиле «господи, как же тяжело быть знаменитым». Но, может быть, именно отлучение, отторжение, принужденное отвыкание от власти становится наказанием. И приносит тяжкую боль, как может болеть ампутированная рука.

В этом деле, думаю, у каждого свое таинство. Одних изводит обида на весь белый свет. Других — ощущение, что все лучшее безвозвратно ушло. Третьих — что не на кого наорать. Четвертых — что никто не звонит. Пятые надеются, что без них все рухнет. Шестые соединяют все названные фобии.

Что именно переживал Лужков, нам неизвестно, но каждому, кто его знал, было ясно: после отставки он не ляжет скорбеть на диван; могучее самолюбие этого человека не позволит ему принять позу «павшего льва», «сбитого летчика» или иной жертвы.

Восемь последних лет я с Юрием Михайловичем не виделся и знал о нем то же, что и все. Создал крупную агрофирму в Калининградский

области, выращивает гречку и бычков, самолично работает за рулем комбайна. Время от времени высказывается на злобу дня, издал мемуары. Трудно сказать, насколько увлекали его эти занятия, но все же вряд ли он родственная душа Диоклетиана, римского императора, который в опале выращивал капусту и отказался возвращаться на правление. Лужков, если я его верно понимаю, без колебаний променял бы свою гречку на власть. Но не позвали.

У него была любимая формула: сначала нужно выбрать цель, затем — траекторию движения к цели и, наконец, скорость движения по траектории. По жизни он был конструктором, системщиком, плановиком. Но в его планы точно не входила смерть. Боялся ли он ее? Кто ж знает. Но совершенно точно боялся физической немощи. В этом смысле смерть Юрия Михайловича пощадила.

В биографии незаурядного человека поставлена точка, но в его судьбе осталось много-много. Кем и как долго останется Лужков в памяти, в новейшей истории страны, — вот вопрос. После его кончины я поизучал комменты в Интернете, — много сочувственных, но полно

и злорадных. Однако, примечательно тут другое.

Персона, к которой публика, казалось бы, навсегда утратила интерес, после своей смерти вызвала волну суждений. И это, как ни крути, дань памяти большого человека. Который до конца дней стремился к саморазвитию и который под гробовой крышкой, так и не снятой на панихиде, унес с собой множество знаний, энергий, навыков, впечатлений, замыслов, амбиций и желаний.

Существуют три главные мужские мотивации: власть, деньги, слава. Кто получил хотя бы один бонус из трех — уже молодец. А у Лужкова — все три! И вам не интересно, почему?

Конечно, по прошествии без малого двух десятилетий с момента выхода моей книги о московском мэре многое видится по-другому. Сейчас я бы написал иначе или не писал бы вовсе. Но тогда, в начале нулевых, этот человек казался мне ровно таким, каким увидит его читатель, если не захлопнет книжку после прочтения этого предисловия.

Михаил Щербаченко

ЖИЗНЬ ПО ПРАВИЛАМ — ЭТО СВОБОДА?

*Глава о том,
почему автор завел блокнот
с шифром: «Ю. М. Л.»*

Четыре года назад, осенью 1999-го, Юрий Михайлович Лужков выпустил книгу «Российские законы Паркинсона». В ее основе — лекция, прочитанная в Международном университете в Москве (там учат будущих управленцев).

Я был на той лекции. Лужков к ней готовился, вышел к студентам с пространственным конспектом. Но, открыв первую страницу, поду-

мал и отложил бумаги в сторону. А через два часа, закончив выступать, снова взял конспект и сказал: «Все это написано тут, в лекции, которую я собирался вам прочесть». Чем вызвал веселый студенческий гогот и сорвал бурные, продолжительные аплодисменты.

В книге о том, как проецируются знаменитые управленческие законы сэра Сирила Норкота Паркинсона на нашу российскую действительность, автор о самом себе почти ничего не говорит. Тем не менее сочинение отчетливо автобиографично — в том смысле, что открывает нам личность человека, которого на мякине не проведешь. Не выйдет. Он понимает эту страну, как мало кто.

Известный как «крепкий хозяйственник» (именно для московского мэра придумали это определение, ставшее штампом), нацеленный на «конечный результат» (как будто результат может быть бесконечным или неоконченным), Лужков прекрасно осознает, что (далее несколько цитат из книги):

«каждый отдельный приказ исполняется плохо, зато вся система в целом более устойчи-

ва, потому что приспособилась к выживанию в условиях дурного управления»;

«если поставлена задача, то надо найти мотивы, чтобы не решить ее. «Невозможно» — самое сладкое слово в отечественном деловом лексиконе»;

«глобализовать проблему и тем ее угробить — первая и, главное, почти бессознательная реакция российского человека. Навык, культура, ритуал»;

«у нас обожают начала, но совершенно невозможно добиться, чтобы что-то было доведено до конца».

Все это Лужков понимает — но достигает результата! В чем не могут отказать ему даже злейшие оппоненты.

Прочитав книгу о российских законах Паркинсона, я подумал: а ведь у ее автора наверняка есть собственные законы, есть принципы и правила, отработанные для самого себя. Лужков по своему складу человек системный: ста-

рается системно думать, действовать, жить. Но вот как это у него получается? Журналистская работа дала мне возможность «установить наблюдение» за мэром с недалекого расстояния. Причем в тот период его жизни, когда смешались удачи с проигрышами, волевые победы над собой с бессилием перед непросчитанными обстоятельствами, неожиданные предательства с ожидаемой преданностью. Период, которого по мыслительной интенсивности, по напряжению эмоций, по энергетическим расходам иному человеку хватило бы на целую жизнь.

Однако, выполняя заповеди своей системы, Лужков старается (что, по-моему, несложно заметить) быть свободным и раскованным. Тут нет противоречия; свобода — это тоже система, и у нее есть собственные законы.

Тогда, четыре года назад, показалось, что это — тема. Тема очерка о законах Лужкова.

Смущало одно: о мэре уже написано столько, что, если сложить публикации в стопку, ее высота сравняется с носом Петра Первого, стоящего на стрелке Москвы-реки. Уверен ли я, что смогу что-то добавить? Или хотя бы увидеть то же самое под иным углом зрения? Надеюсь, да.

Потому что большинство материалов о Юрии Михайловиче касаются его политических планов и ходов или хозяйственных акций. Мне же кажется, что и первое, и второе в большой мере является производным от внутренних законов Лужкова. В них надо искать причины его успехов и неудач. А также объяснение того, почему целых десять лет мэр Москвы не выходит из спектра общественного внимания.

В то самое время, когда я завел блокнот и написал на обложке таинственное «Ю. М. Л.», французские политологи, проанализировав зарубежную прессу о Лужкове, составили и опубликовали сводную таблицу. Слева столбиком перечислялись положительные стороны натуры, справа шли отрицательные.

Слева: популярный, глава предприятия (надо понимать, Москвы), прагматичный подход к власти, широкая поддержка в финансовых кругах, динамичный, энергичный, боевой, символ физического и морального здоровья, националист (для французов это, выходит, плюс), личная харизма, близок к народу.

Справа: москвич (наверное, в минусы Шираку ставили «парижанин»), опрометчивые ме-

тоды, авторитарный аппаратчик, агрессивный политик, высокие инвестиционные аппетиты (это, оказывается, плохо), излишне независимый, хитрец, отсутствие дипломатии, ложная скромность, экстремист.

Что здесь правда, что туфта — поди пойми. Кто как видит. Мне, к примеру, кажется, что достоинства мэра гораздо интереснее его недостатков. А, впрочем, кто вправе судить, что есть достоинство, что — недостаток. Тем более если одно является продолжением другого, а в Лужкове это просматривается, как ни в ком ином.

В предлагаемом вам очерке переплелись интервью, в разное время взятые автором у Ю. М. (воспользуемся таким сокращением; когда рассказываешь о большом начальнике, не хочется выглядеть чиновопочитающим и по три раза на странице растягивать его имя-отчество), и мои записки вне хронологической последовательности. Строгости и цельности, словом, не ищите. Ищите попытку увидеть целое через детали.

Почему бы нет? Мы разбираем по косточкам и раскладываем по полочкам интересных нам людей — не для того ли, чтобы лучше понять самих себя?

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ВЕСТЕРН

*Глава о том,
что хотел бы мэр Москвы
увидеть в кинофильме
про мэра Москвы*

Идея снять художественный фильм про московского мэра появилась на свет настолько легко и логично, что стало даже странно, почему она раньше не приходила в голову.

Нет, в самом деле: люди власти, коридоры власти — вкусная тема. Действие многих западных картин и телесериалов происходит в муниципалитетах, аппаратах городских и федеральных ведомств, кабинетах министров и прези-